

**РУССКАЯ
КРАСАВИЦА**

Читайте исторические любовные романы

Елены Арсеньевой

в серии «Русская красавица»:

Тайная жена

•

Страстная-опасная

•

Нечаянная свадьба

•

Любовный водевиль

•

Сёстры-соперницы

•

Северная роза

•

Виновница страстей

•

Свет мой ясный

•

Крепостная графиня

Елена
Арсеньева

Пленник
богини любви

МОСКВА
2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Художественное оформление серии *Е. Анисиной*

В оформлении обложки использована репродукция
картины «Profile of a Young Girl»
художника Marcus Stone (1840–1921).

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Jo Ann Snover, Prokrida, Lisovskaya Natalia, spaxiax, kostins,
pashabo, HO THI THANH VAN / Shutterstock.com

Фрагмент шрифтового оформления в дизайне обложки:
FRACTAL / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Пленник богини любви : [роман] / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-110514-3

В далекой неведомой стране дочь русского торговца Вареньку Бушуеву собираются принести в жертву кровавой богине Кали. Кто спасет юную красавицу, на кого ей надеяться? Может быть, о ней вспомнит тот, кто вместе с ней попал в руки к служителям Луны и во время странного обряда вызвал у Вари истинную страсть? Неужели то, что было между ней и Василием, останется только мучительным и сладостным воспоминанием?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е.А., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110514-3

Нет пламени сильнее, чем любовь!
Из «Дхаммапады»¹

¹ «Д х а м м а п а д а» — произведение буддийской литературы, в котором изложены основные этические принципы раннего буддизма.

Часть первая
РУКА ПРИЗРАКА

ЛУНА НАД ПОЮЩИМ БАМБУКОМ

*О*на была похожа на цветок...
Она была похожа на цветок, и аромат ее тела был ароматом редкостного, дивного цветка — прекраснее розы, прекраснее лотоса. Из лунного света, из бледного сияния звезд сотворили ее боги... Можно было сказать, что она схожа с богиней, однако стоит ли сравнивать звезду со звездой? Ведь она и была богиней.

— Дева, — сказал черноглазый индус, облаченный в белую кисею и тюрбан с павлиньим пером. — Дева...

Пленник немного понимал язык туземцев и понял: дева значит «богиня». Похитители — ее слуги. А он сам — кто он? Пленник богини?!

* * *

Сначала, когда пленника, связанного по рукам и ногам, тащили сквозь джунгли, он думал, что его

ждет участь кровавой жертвы, которую еще приносит этот дикий злобный народ. Однако после недолгого путешествия в лодке он очутился на острове такой красоты, что сама мысль о жертвоприношении, убийстве, боли и смерти показалась сущей нелепицей.

Остров чудился пустынным — только несколько деревьев там и сям, только цветы да высоченные заросли бамбука.

При каждом порыве ветра слышался легкий и странный звук, будто кто-то едва касался туго натянутой гитарной струны. Сначала пленник не обращал на это внимания, однако чем дальше вели его сквозь бамбуковые заросли, тем громче и отчетливее становилась чарующая мелодия незримого оркестра.

Это было похоже на колдовство, но пленник сразу догадался, что поет не какая-то неведомая сила, а сам бамбук, в каждом колене которого жучки просверлили большие или маленькие отверстия. В них играет ветер, превращая эти заросли в десятки тысяч свирелей, созданных самой природою.

Там, на своей далекой родине, он не раз слышал, как пересвистывает ветер в зарослях просверленного жучками камыша, но это не шло ни в какое сравнение с пением бамбука, которое надрывало сердце.

Тем временем исчезли с неба золотые закатные лучи, и окрестности подернулись лиловатой сумеречной дымкой. С каждой минутой сгущалась тьма, в небе одна за другой зажигались звезды, и вот вошла луна.

До полнолуния, судя по очерку ее диска, еще оставалось несколько дней, и все же она светила расточительно-щедро: осыпала бледным златом-серебром все вокруг — и вдруг в ее сиянии высветился дворец с плавно изогнутым куполом.

Пленник успел только ахнуть от изумления, однако разглядеть дворец ему не дали — заволокли внутрь, в глубину бесчисленных покоев.

С тех пор рядом с пленником почти неотлучно находился предводитель его похитителей.

Вида этот человек был странного. Брови его сходились на переносице: казалось, лоб перечеркнут одной извилистой линией. Глаза — огромные, сплошь черные, без блеска — непроницаемые. Они скрывали некую тайну, но пленник понял, что спрашивать бесполезно: ответа не будет.

Впрочем, однажды он все же не удержался и воскликнул:

— Зачем я здесь? Что вам от меня нужно?!

— Ты все узнаешь в свое время, — высокомерно ответил предводитель. — Оно наступит скоро.

И все. И воцарилось молчание.

Больше пленник не унижался до расспросов.

Стражник всегда был одет в белое, слегка отливающее серебром. Пленник знал, что этот индус следит за каждым его шагом, даже когда, казалось, отсутствовал.

Впрочем, насчет «каждого шага» — это очень смело сказано. Ведь большую часть времени пленник был недвижим. Его держали прикованным к постели ночью и днем, снимая оковы только для омовений и еды. Еда, в общем-то, тоже была пыт-

кой. Стол состоял из плодов и овощей, но до того приправленных пряностями, маслами и сахаром, что становилось тошно. Перед тем как попасться похитителям, пленник долго голодал, потом наелся до отвала, а теперь опять вернулся к ощущению постоянного, неутрачиваемого голода.

Что хуже всего, ему никак не удавалось взять в толк, к чему все это. Почему его так пристально, оскорбительно пристально рассматривает предводитель похитителей? Зачем его держат в цепях на этом роскошном ложе, в этом подавляющем своей красотой покое: ослепительной белизны стены с панелями, покрытыми мозаикой — гирляндами прелестнейших цветов из драгоценных камней? Поначалу он только и чаял вырваться, раскидать стражу, сбежать, но... Когда начинал бунтовать, вся эта смуглокожая братия наваливалась со всех сторон. С первого раза пленник их всех разнес по закоулочкам, так что они сделались умнее: кто-нибудь неуловимым рассчитанным движением накидывал на горло бунтовщика платок и так его затягивал, что надо было выбирать: или полечь тотчас же, тут же, ни за что ни про что, или отступить перед превосходящими силами противника. Ну, приходилось отступать...

Это длилось несколько дней. Но однажды предводитель стражников торжественно сообщил:

— Твои испытания закончены. Луна созрела! Завтра дождь — возлюбленный земли — сможет пролиться на ее ждущее лоно!

— Что? — изумленно пробормотал пленник, мало что понявший в этой торжественной речи. — Ты ждал подходящей погоды? Для чего?!

Мгновение «наставник» смотрел на него с откровенным презрением, потом что-то глубоко страдальческое и вместе с тем зловещее промелькнуло в черной глубине его глаз:

— Тебе предначертано стать любовником богини.

Пленник не верил ушам. Но приходилось поверить тому, что теперь происходило вокруг него.

О, как пел в тот день бамбук! Лишь только повлеклось к закату огромное раскаленное солнце, зазвенели вдруг со всех сторон звонкие колокольчики, зазвучали веселой быстрой мелодией, под которую ноги так и норовили пуститься в пляс. С другой стороны острова доносился протяжный вой: заунывный, грустный, словно жалоба волчицы, утратившей детенышей. Издали неслась песнь человеческого голоса, заканчиваясь не то рыданием, не то глухим хохотом...

Конвой был нынче разряжен в пух и прах, однако не утратил ни малой толики свирепой бдительности: пальцы стражей так и плясали на рукоятках мечей, а глаза стерегли каждое движение пленника.

Он подчинялся, неприметно озираясь и каждое мгновение ожидая удара клинком под ребро. Черт их разберет, этих туземцев, что у них означает «сделаться любовником богини». Может быть, у него вырвут сердце и поднесут какой-нибудь раззолоченной идолице на серебряном блюде!

Хотя опасался он, похоже, напрасно.

Сначала прислужницы, сплошь увешанные золотом и шуршащие парчовыми шароварами, по-

влекли пленника в бассейн и, поставив на дно мраморной чаши, несколько раз окатили разноцветными водами, причем голова сразу же мучительно заболела и пошла кругом от удушающего аромата розового масла.

«Благоухаю, будто девка в веселом доме, готовая к встрече покупателя ее прелестей», — с яростью подумал пленник, но тут его опять принялись окатывать водой. На сей раз вода была прозрачная, и ее аромат не вызывал тошноты. Он был скорее горьковатым, волнующим...

Наконец его вывели из бассейна, осушили мягкими шелками и принялись одевать. Стражник поигрывал кинжалом, стоя в двух шагах, поэтому пленник без сопротивления позволил нарядить себя в розовые шаровары и бледно-розовый тюрбан с бриллиантами. Среди туземцев, облаченных в белое, он чувствовал себя нелепой игрушкой, яркой безделушкой — словом, сущей бабою! Вдобавок на него напялили еще и прозрачную белую распашонку. Пленник стискивал кулаки и поджимал пальцы на ногах на случай, если начнут надевать перстни: стража вся сверкала и переливалась множеством золотых украшений, надетых на каждый палец. Вдобавок некоторые мужчины и женщины носили серьги в носу!

«Пусть лучше голову проломают, но кольцо в нос совать не дам!» — мрачно пообещал пленник сам себе. Однако похоже было, что любовнику богини сие по чину не полагалось. И на том спасибо!

Его окуривали тлеющим сандалом, когда появился черноглазый: опять в белом, блистающий бриллиантами так, что смотреть бы-

ло больно. Не взглянув на пленника, он сделал знак — стража встала плотно, шагу в сторону не сделаешь! — и этот сомкнутый строй замаршировал по дворцу. Что-то подсказывало пленнику, что он последний раз видит белый мрамор, красный порфир, причудливую мозаику, кружево резьбы.

Впрочем, провались оно все пропадом! Ах, вырвать бы у одного из этих сверкающих идолов клинок, да было бы где размахнуться руке, — только бы пленника тут и видели! Однако с него по-прежнему не сводили не только глаз: все сабли были угрожающе обнажены и при малейшей заминке легонько покалывали кожу. «Надо надеяться, они не перестараются, и я не явлюсь к даме весь в кровавых пятнах, будто комаров на болоте шлепал!» — фыркнул пленник и удивился, как стало легче на душе.

Ну да, не нами сказано, будто русские умеют смеяться не только когда им весело!

Они вышли на веранду. Полная луна сияла, и пленник без труда разглядел стройные зеленые фикусы и высокие тамаринды. Под одной из пальм раскинулся пруд, в котором нежилась лилии и лотосы, а над прудом стояла беседка.

У входа в беседку склонялись в поклоне прислужницы, а в глубине ее виднелась неясная фигура, с головы до ног укутанная серебристой вуалью, такой плотной, что очертаний тела было не различить.

Сердце тревожно стукнуло, но пленнику не дали времени на созерцание и втолкнули в беседку.

Да, дворец был великолепен, но это... Снова белый мрамор, снова мозаика из бриллиантов

и сапфиров, но еще и потолок затянут темно-голубой тканью, а для того, чтобы совершенно уподобить его небу, усеян драгоценными камнями вместо звезд. Воистину обиталище достойно богини... если эта высокая фигура, скрытая белым, действительно богиня.

Она не тронулась с места при появлении пленника. Резко пахло курящимся сандалом; дымок от него то стелился над серебристо-белым полом, то взмывал вверх, обвинявая неподвижную фигуру.

Черноглазый с поклоном приблизился к богине, протянул ладонь. Заиграли, замерцали складки покрывала: из-под них показалась тонкая бледная рука. Эту руку черноглазый соединил с рукою пленника, обвив их какой-то длинной травой, а затем два стражника выступили вперед, держа по чаше с жидкостью, игравшей опаловым блеском. Пленник отворотился было от края, прижатого к его губам, но темные лица туземцев позеленели, а глаза заискрились недобрым фосфорическим огнем.

— Не страшись, — едва слышно произнес «наставник». — Цветами осыпаны ноги богини, плодоносно ее прекрасное тело. И над всем этим ты господин нынче ночью!

Пленник выпил из чаши, от волнения не чуя вкуса. Он хотел посмотреть, как будет пить богиня сквозь свое покрывало, и, сделав последний глоток, обернулся — чтобы покачнуться от резкого приступа головокружения: она уже была без покрывала, она смотрела на него!

Она была похожа на белый лунный цветок, и сердце пленника перестало биться, когда он

осознал, что эта волшебная красота сейчас будет принадлежать ему.

Прислужницы подступили к нему, совлекая одежды. Стоило ли так тщательно его наряжать, чтобы через несколько минут снять все наряды!

То ли красота несказанная так на него подействовала, то ли питье опьянило, однако у пленника и в мыслях не было противиться своему жребию — напротив, он жаждал его исполнить! Однако вдруг осознал, что не сможет владеть богиней здесь, на глазах настороженно-покорных стражей, прислужниц и особенно «наставника», под его нравоучительные понукания. То, что произойдет между ним и богиней, будет принадлежать только им двоим: мужчине и женщине. Да, он станет любовником богини... но ведь и богиня сделается любовницей человека!

Он подхватил богиню на руки и, в два прыжка достигнув водоема, рухнул вместе с нею в серебряно-белую, искристую, исполненную лунного сияния воду, спеша к этой женщине так, как ни к кому другому еще не спешил.

Богиня вскрикнула, и это был крик боли.

Пленник ужаснулся. Он-то думал, что богиня искушена служением любовников, а она... невинная девушка!

Луна светила богине в лицо, и глаза казались серебряными. Капли на ее лице — это вода или слезы? Пленник осушал их губами бережно, едва касаясь, потом перестал себя сдерживать.

Никогда он никого не целовал так, как ее! Он просил прощения поцелуем и клялся в вечной любви, он сулил безмерное блаженство и умолял